

Марина Юрьевна Сорокина
Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына
Москва, Россия

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ, ЗАРУБЕЖЬЕ ИЛИ ДИАСПОРА? Заметки о языке современной российской эмигрантики

Аннотация: Статья рассматривает ряд общих итогов изучения проблем истории российской диаспоры на рубеже XX–XXI в. в России и, в частности, анализирует, как выбор языка описания влияет на конструирование предмета исследования — на материале истории русского зарубежья XX века. Ставится вопрос о том, в каких терминах и категориях описывать культурно-исторический феномен диаспоры — в категориях национальной истории и / или коллективной памяти — общей и параллельной, или в категориях развиваемой ныне транснациональной истории.

Ключевые слова: русская эмиграция, российское зарубежье, диаспора, эмигрантоведение, беженцы

25 декабря 1990 г. будущий первый президент России, а тогда еще председатель Верховного Совета РСФСР, Борис Ельцин обратился с рождественским обращением к соотечественникам за рубежом. Оно стало первым после окончания Гражданской войны (1921) призывом к воссоединению россиян на уровне официальной публичной политики в СССР. Вскоре, в августе 1991 г., состоялся первый Конгресс соотечественников, а еще через некоторое время, в марте 1992 г., уже после распада СССР (декабрь 1991 г.), при Президиуме Верховного Совета Российской Федерации (РФ) была учреждена специальная Комиссия по вопросу русского зарубежья, которая и должна была формулировать политику нового российского руководства по отношению к российской диаспоре.

Между тем, вопрос о том, с кем именно будут воссоединяться и сотрудничать россияне, сами еще недавно называвшиеся «советский народ», остался открытым — ни в одном официальном документе того времени не было дано определения того, кто такие «соотечественникам за рубежом» и что такое «русское зарубежье», и чем они отличаются от той «русской эмиграции», которая на протяжении почти всего XX века считалась одним из главных идеологических врагов советского государства. Не предложив собственных дефиниций, новая российская государственная власть, тем не менее, сразу и явно дистанцировалась и от официального советского, и от эмигрантского дискурсов, исключив из государственных документов традиционный для обоих термин «русская эмиграция».

В то же время после распада СССР за пределами Российской Федерации автоматически оказалось более 25 миллионов русского и более 50 миллионов русскоязычного населения, проживавшего теперь «за границей», в странах, получивших независимость. Этот новый мир получил в России 90-х годов наименование «близкое зарубежье»; за термином «дальнее зарубежье» осталось традиционное обозначение других иностранных государств. Однако на практике

оказалось, что «дальность» и «близость» означали не только и не столько географическую удаленность стран от России, сколько одну из актуальных геополитических составляющих — степень близости правящих элит. Так, к «дальному зарубежью» российские политологи и средства массовой информации стали относить страны, имеющие общую границу с Российской Федерацией, — Финляндию, Норвегию, Польшу, Монголию, Китай, иногда — государства Балтии (Латвия, Литва, Эстония). К «ближним» — страны, не имеющие общей границы с Россией, — Молдавию, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизию. Это очевидное несоответствие терминологии и реальности, а также несоответствие международному праву, было отмечено в конце 1990-х годов Советом Европы, не рекомендовавшим в дальнейшем использовать термины «ближнее и дальнее зарубежье», и после этого они довольно быстро ушли из активного употребления в научной и политической лексике, а также в бытовой речи россиян.

К концу 1990-х годов термин «соотечественники» закрепился как доминирующее инструментальное понятие российской государственной власти в отношении российской диаспоры. Он был введен еще в 1993 г. в «Концепцию внешней политики России», разработанную Министерством иностранных дел (МИД) РФ, затем плавно перешел в «Основные направления государственной политики РФ в отношении соотечественников, проживающих за рубежом» (приняты Правительством РФ в августе 1994 г.), в «Декларацию о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам» (принята Государственной думой РФ 8 декабря 1995 г.), в Федеральный закон «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» и «Концепцию государственной политики РФ в отношении соотечественников за рубежом» (1999)¹. Любопытно, что по мере накопления правовых основ взаимодействия с российским зарубежьем термин «соотечественники» постепенно обрстал синонимами: в «Декларации» 1995 г. наряду с ним появилось понятие «российская диаспора», а Федеральный закон 1999 г., действующий и сегодня, законодательно вернул в словарь властных структур термин «эмигранты». Таким образом российский законодатель постепенно возвращался к терминологии международного права при одновременном сохранении патриотической риторики.

Изменения в терминологическом словаре «государственного языка» имели важное значение и для профессионального научного, особенно исторического, сообщества в силу тесного переплетения всего спектра научных проблем миграций с актуальными вопросами современной российской внутренней и внешней политики и дискурсивными практиками власти. Несмотря на неожиданность появления буквально ворвавшегося в профессиональную жизнь исторического сообщества нового объекта исследования, за прошедшие двадцать лет изучение российского зарубежья стало одним из самых модных направлений российской гуманитарной науки, что выразилось в резком увели-

¹ Правовые акты РФ, касающиеся соотечественников за рубежом, см. на официальном сайте МИД РФ: <<http://www.mid.ru/bdomp/ns-dgpc/nsf/zakon>>.

чении научных и диссертационных исследований по различным проблемам российской эмиграции.

Количественные параметры проведенной работы выглядят впечатляюще. Если в 1980—1991 гг., т. е. в период существования СССР, были защищены 85 диссертаций по теме российской эмиграции, то в 1992—2005 гг. было подготовлено в 10 раз больше — уже 818 диссертаций, защищенных в 32 городах России (здесь и даже сведения приводятся по: Пронин, 2009). Подавляющее большинство этих исследований проводилось в рамках исторических и филологических работ, лишь единицы затрагивали проблемное поле права, социологии, экономики, педагогики и т.п. Хронологические рамки оказались довольно узкими — преимущественно периоды дореволюционной и первой послереволюционной волн эмиграции. Интересно, что если до 1990-х гг. другие волны практически не исследовались по очевидным идеологическим причинам, то и после изменения политического климата в России они также не вызвали интереса у исследователей — за 1980–2005 гг. только 14 работ (1,6 %) были посвящены советскому миграционному потоку периода Второй мировой войны, 52 диссертации (5,8 %) — 1960–1970-м годам и 48 работ (5,3 %) — современной эмиграции. Лишь филологи в первое десятилетие XXI века стали активно заниматься литературной эмиграцией второй половины XX века и количество посвященных этой волне диссертаций резко возросло. Наконец, отметим еще одну специфическую черту диссертационных исследований по истории российской эмиграции последних двух десятилетий. Почти семьдесят процентов из них посвящены жизни и деятельности / творчеству / наследию отдельных лиц — политиков, писателей, ученых, художников и т.п., что, на наш взгляд, является реакцией научного сообщества на непредсказуемость общественной атмосферы России, в которой продвижение новых обобщений и интерпретаций может послужить тормозом профессиональной карьеры.

Тем не менее, за последние десятилетия, в России проделана огромная исследовательская работа в области изучения исторического наследия российской эмиграции. По ряду тематических и географических направлений выпущены биографические словари, хроники, библиографии, растет число конкретно-исторических исследований. Количество диссертаций и научных исследований, а «вал» статей и публикаций давно перевалил за многие тысячи названий, позволяет некоторым историкам говорить о появлении нового направления в российской гуманитаристике — «эмигрантоведении», «эмигрантики». Однако по целому ряду основополагающих проблем, например, о советской государственной политике в отношении эмиграции, научных работ так и не появилось; в российской историографии минимально представлены сравнительно-исторические исследования, не сложилось методики для изучения параллельного развития российских профессиональных сообществ «внутри» и «вне» России, в метрополии и эмиграции и др.

Наконец, сегодня многими исследователями ощущается определенный концептуальный вакуум, и они все громче говорят о необходимости пересмотра и переосмысления старых концептуальных подходов к анализу феномена «русская эмиграция». Этот вакуум не в последнюю очередь связан с вопросом, в каких терминах и категориях описывать культурно-исторический феномен диаспоры — в категориях национальной истории и / или коллективной памяти —

общей и параллельной, или в категориях развиваемой ныне транснациональной истории?

Между тем исследователи по-разному толкуют даже базовые термины «эмиграция» и «зарубежье», «русское» и «российское», минимально рефлексируя по поводу их терминологического объема и содержания.

В отличие от российских властных структур, медленно, но неуклонно стремящихся привести терминологию, используемую в официальных документах, в соответствие с международным правом, российские социологи, политологи, философы, этнографы, культурологи, историки используют широкие синонимические возможности русского языка и употребляют самые разнообразные слова и выражения как для названия самого исторического феномена перемещения населения и профессионально-конфессиональных групп, так и для описания и анализа российских миграционных процессов и потоков XVIII—XXI веков. Так, двухтомник докладов российских и зарубежных авторов, вышедший в 1994 г. в Москве по результатам I Конгресса соотечественников (1991), назван «Культурное наследие российской эмиграции», а объединяющая фактически тех же авторов, но издававшаяся немного позже в Санкт-Петербурге под грифом Института «Русское зарубежье» и его партнеров серия именуется «Зарубежная Россия» (1995–2004). Параллельно в 1997 г. в издательстве «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)» выходит энциклопедический биографический словарь «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции», публикуемые в рамках серии Российской академии наук «Энциклопедия российской эмиграции» биографические справочники носят название «Литературное зарубежье России» (2006) и «Российское научное зарубежье» (2011), а издаваемая Институтом общественной мысли энциклопедия — «Общественная мысль русского зарубежья» (2009). Известные академические историки В.Я. Гросул и Е.Г. Пивовар также по-разному озаглавливают свои новейшие, вышедшие в один и тот же год (2008), монографии — соответственно «Русское зарубежье в первой половине XIX века» и «Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии». Наконец, в последнее время, по мере восстановления влияния Русской православной церкви в современной России, все более популярными и распространенными в заголовках научных исследований становятся библейские «исход» и «диаспора».

На первый взгляд, такая терминологическая пестрота в названиях научных публикаций связана с колебаниями политического климата в России. В самом деле, введенный Б.Н. Ельциным, а затем взятый на вооружение его оппонентами, прежде всего русскими националистами и коммунистами, термин «соотечественники» приобрел к середине 1990-х политически знаковый характер и использовался ими преимущественно в рамках «русской проблемы». С другой стороны, выбор и вывод основополагающих понятий в название работы, казалось бы, отражает идеологические предпочтения авторов и издателей. Если используются термины «русский» и «эмиграция», следовательно, произведение принадлежит правому, консервативному или православно-монархическому дискурсу. Если «российский» и «зарубежье», то — левому, либерально-демократическому и республиканскому. Действительно, известное своей национал-патриотической направленностью и огромными тиражами издательство «Вече» на протяжении многих лет выпускает многотомную серию

исторических очерков «Русские за границей». Однако в то же время выросшее из оппозиционного советскому режиму «УМСА-Press» и регулярно публикующее мемуары диссидентов, издательство «Русский путь» в академической серии «Ex cathedra» издает монографии зарубежных авторов с общим подзаголовком «русская эмиграция» (см. Чжичэн 2005; Йованович 2008; Кёсева 2008). Член коммунистической партии, в недавнем прошлом член Государственной думы, а ныне руководитель парижского отделения Института демократии и сотрудничества, историк Н.А. Нарочницкая утверждает, что «навязывание слова „россиянин“ вместо слова „русский“ звучит оскорбительно и антинаучно» (Нарочницкая 2011: 6). А известные достаточно либеральными взглядами писатели и краеведы М.П. Шишкин и С.К. Романюк назвали свои литературно-исторические путеводители соответственно «Русская Швейцария» (2001) и «Русский Лондон» (2009). В недавно опубликованной либеральным издательством «Новое литературное обозрение» монографии О.В. Будницкого и А.М. Полян «Русско-еврейский Берлин (1920—1941)» в пределах только одного предложения авторы используют выражения и «русские евреи-эмигранты», и «российские евреи-беженцы» (Будницкий, Полян 2013: 9).

Неразработанность научного понятийного и терминологического аппаратов для описания истории диаспор — характерная черта современного российского историографического дискурса. Между тем, как известно, выбор языка описания самым прямым образом влияет на конструирование и объекта, и предмета исследования. Потеря чувствительности в нюансировке категориального аппарата, одного из важнейших инструментов историка, неизбежно приводит к концептуальной ограниченности и прямому искажению фактов исторического прошлого. Так, например, в прямой зависимости от использования терминов «русская» либо «российская» находится определение численности эмиграции. В первом случае речь может идти об определении количества этнических русских, во втором — всех выходящих из многонациональной Российской империи / СССР / России. Называя всю эмиграцию русской, исследователи невольно изображают ее как мононациональную и наследуют «эмигрантскому мифу», стартовая точка которого находится в литературной традиции эмигрантской писательской публицистики, а вовсе не в геополитических трудах политиков или аналитической работе историков.

Как известно, произнесенная в Париже в 1924 г. знаменитая речь будущего лауреата Нобелевской премии, писателя Ивана Бунина (1870—1953) под названием «Миссия русской эмиграции» фактически стала первой публичной попыткой интеллектуальной осмысления нового социального и культурного феномена и одновременно сформировала основные несущие конструкции и противоречия «эмигрантского мифа». Начав с патриотического обращения «соотечественники», Бунин заявил, что вынужденные покинуть Россию после Октябрьской революции (1917) и в годы гражданской войны (1917—1921) многие сотни тысяч (или даже миллионы) ее граждан вовсе «не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину», и назвал приблизительное количество этих лиц — три миллиона, во много раз превосходящее реальные цифры (Бунин 1924). Подобный риторический ход понадобился писателю для того, чтобы опровергнуть очевидную реальность, с которой он, как и многие другие беженцы, не мог согласиться, — «белая эмиграция»

была именно изгнана из страны, ее члены признаны Лигой наций и другими международными организациями «беженцами» и именно на этом основании получили разнообразную поддержку этих организаций. Однако с тех пор, вопреки логике и последовательности исторических событий, история российских беженцев 1920-х годов стала развиваться преимущественно в рамках национального (а не имперского, например) литературно-публицистического дискурса как история «русской эмиграции», а термин самоописания определенной группы беженцев перерос в общее имя всего потока изгнанников. На протяжении десятилетий этот дискурс поддерживался и развивался самими беженцами и их потомками, и в одной из своих ипостасей трансформировался в образ «русской эмиграции» как особого духовного пространства, параллельного большевистской России и материализовавшегося в обширной национальной инфраструктуре на всех континентах.

Эта «русская эмиграция» как культурно-исторический феномен, утверждал известный американский историк российского происхождения профессор Марк Раев, завершила свое существование с концом Второй мировой войны (Раев 1994: 17). Французский исследователь профессор Ренэ Герра полагает, что ее «миссия» завершилась только с распадом СССР (Герра 2003). Но сами наиболее дальновидные представители эмиграции, расширяя границы бунинского образа эмиграции, уже после Второй мировой войны и особенно с начала 1960-х годов заговорили о себе как о «зарубежье»², а в конце XX века начали реализовывать проект «Дiasпора»³, основанный на идее интеграции в глобальном мировом пространстве.

На наш взгляд, новая концептуализация проблематики в терминах, понятиях и категориях исторической памяти и транснациональной парадигмы поможет разрешить многие другие противоречия, возникающие в процессе исследований. На помощь «наивному историзму» предания, документа, рассказа должна прийти методологическая рефлексия профессионального исторического сообщества. К сожалению, история эмиграции до сих пор не является естественной частью российского национального исторического дискурса и вряд ли скоро им станет. Однако двадцать лет тому назад такую постановку вопроса в России невозможно было даже представить.

ЛИТЕРАТУРА

- Будницкий, Полян 2013 — О.В. Будницкий, А.М. Полян. Русско-еврейский Берлин (1920 — 1941). Москва: НЛО.
- Бунин 1924 — И.А. Бунин. Миссия русской эмиграции <http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2142.shtml>. 10.02.2012.
- Герра 2003 — Р. Гера. Они унесли с собой Россию... Русские эмигранты — писатели и художники во Франции (1920—1970). СПб: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц».

² См., например, журнал «Зарубежье. Общественно-политические тетради», издававшийся с 1965 г. в Мюнхене (Германия).

³ См., например, проект по созданию исторического альманаха российской эмиграции всех волн эмигранта Владимира Аллоя (1945—2001) с одноименным названием. См. роспись содержания этого альманаха: <<http://www.domrz.ru/index.php?mod=static&id=87>>.

- Йованович 2008 — М. Йованович. Русская эмиграция на Балканах. 1920—1940. Москва: Русский путь.
- Кёсева 2008 — Ц. Кёсева. Болгария и русская эмиграция. Москва: Русский путь.
- Нарочницкая 2011 — Нарочницкая Н.А. Россия и русские в современном мире. Москва: ЭКСМО.
- Пронин 2009 — А.А. Пронин. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980—2005 гг.: библиометрический анализ. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т».
- Раев 1994 — М. Раев. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919 — 1939. Москва: Прогресс-Академия.
- Чжичэн 2005 — Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. Москва: Русский путь.

Марина Јурјевна Сорокина

РУСКА ЕМИГРАЦИЈА, ЗАРУБЕЖЈЕ ИЛИ ДИЈАСПОРА? Напомене о језику савремене руске емигрантологије

Резиме

Рад се бави низом општих резултата проучавања проблема историје руске дијаспоре на крају XX и почетку XXI в. у Русији, а посебно питањем утицаја избора језика на конструисање предмета истраживања — на материјалу историје руске дијаспоре XX века. Поставља се питање којим терминима и категоријама треба да се описује културно-историјски феномен дијаспоре — да ли у категоријама националне историје и/или колективног памћења — опште и паралелне, или у категоријама транснационалне историје која се данас развија.

Кључне речи: руска емиграција, руско зарубежье, дијаспора, емигрантологија, избеглице